КАРТИНЫ РУССКАГО БЫТА

ВОРОЖЕЯ

Прибывъ самъ-другъ съ товарищемъ въ дъйствующую армію нашу, подъ Силистрію, устроиваться МЫ начали тамъ И обзаводиться военно-походнымъ хозяйствомъ. Одна изъ первыхъ и главныхъ потребностей, или принадлежностей его, для новичка, это — конюхъ и конюшенный, приспѣшникъ кравчій, домострой И уходчикъ и постельникъ, пъстунъ, одномъ и томъ же лицѣ, то-есть деньщикъ. Намъ привели двоихъ малоспособныхъ для послъ фронта пензянъ, И, недолгихъ переговоровъ съ ними, мы въ-самомъ-дълъ добросовъстномъ ВЪ убъдились выборѣ ихъ, то-есть въ малоспособности ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, не только по части фронтовой. Андрей, доставшійся, ПО семейному раздѣлу, на долю товарища показалъ по-крайней-мъръ моего,

перваго дня необычайную способность къ ъдъ, пожирая все безъ разбору, въ какомъ угодно видѣ и количествѣ; Степанъ же, мой несчастный и невольный прихвостень, не могъ похвалиться даже и этимъ: нѣжный, слабосильный, брезгливый, вялый визгливый, сѣ бълобрысымъ женскимъ личикомъ, съ суконнымъ языкомъ, который произвести умѣлъ половины буквъ не русской азбуки, этотъ матушкинъ сынокъ болъе походиль на какого-то барскаго баловня, чѣмъ на солдатика; онъ ходилъ всегда неряхой, распустивъ нюни, не умълъ ни умыться, ни застегнуться, по-крайнеймъръ, не любилъ ни того, ни другаго, и въ оправданіе свое приводиль то, что быль не крестьянскій сынъ, а подкидышъ тонкаго происхожденія, которому ТОШНО хлебать деревянною ложкой. Что касается Андрея, обжорливость онъ тъмъ, что Пензенской оправдывалъ ВЪ Губерніи два года сряду быль неурожай и голодъ; а относительно неуклюжести своей сознавался откровенно, что на то была воля Господня.

Два земляка эти, поступившіе вмѣстѣ въ обшее хозяйство наше, ссорились бранились вездѣ, гдѣ всегда и сходились, а судьба и служба свела ихъ у насъ и къ одному костру и подъ общую ношемку. Вникнувъ ВЪ силы способности каждаго, МЫ пожаловали Андрея саномъ конюшаго и обознаго, а Степана дворецкіе, произвели ВЪ приспъшники. расходчики, ключники И Андрею поручены были походныя лошади, фуражъ, вьюки и присталой болгарскій пёсъ; Степану, по сокрытымъ въ немъ наклонностямъ и дарованіямъ – уходъ господами, одежда, столъ, кухня и оружіе. походное время обязанность Въ приспъшника незамысловата: каша — мать наша, да кашица – кормилица, отвъчаютъ Ho оказалось, за что И эта обязанность незатъйливая не только затрудняла бъднаго Степана, а приводила его въ совершенное отчаяніе. Отъ близости огня у него трескались и болѣли лицо и руки: онъ не выходилъ изъ цыпокъ; первое и послъднее блюдо наше – каша, всегда пригорала, потому-что онъ никакъ не могъ выучиться мѣшать ее со дна, а поваживаль взбалтывая веселкомъ сверху, одну боялся притомъ жижицу; ОНЪ И даже не приступиться къ огню и дыму, умѣлъ подойти къ котелку съ-н÷вѣтру, куксилъ садился дымъ, глаза ПОДЪ И плакаль, какъ малый ребенокъ. При всемъ желаніи сохранить въ походной семь своей миръ и покой, мы за все это ссорились съ нимъ. a онъ отпискивался визгливымъ голосомъ, увъряя, что ему и такъ уже нътъ мљчи, что тяжкая служба вгонитъ его въ гробъ, а затъмъ начиналъ горько плакать и попрекать Андрея, называя его обжорой и дармоъдомъ. Предлогомъ КЪ попрекамъ этимъ главнъйше служило то, что Стёпа варилъ на Андрея кашу, то-есть что и самъ Степанъ и Андрей ѣли изъ одного общаго было He котла. никакой съ нами вразумить возможности ЭТОГО взрослаго ребенка, что, напротивъ, Андрей работаетъ живетъ полубариномъ, него. онъ a потому-что у Андрея на рукахъ лошадей и все тяжелая работа. Изъ этого

вскоръ вышли взаимные ссоры и попреки, потому-что и Андрей, при всей медвъжьей малоръчивости кротости своей, И долгу передъ оставался землякомъ ВЪ своимъ, особенно, когда Степанъ называлъ его обжорой, божась, почти со слезами, что ненасытную утробу эту ничъмъ нельзя наполнить, и что Андрей, впродолженіе особенно перехода, каждаго ночнаго, пожираетъ всѣ наличные сухари и, сверхътого, столько сыраго пшена, сколько успѣетъ украсть у дворецкаго Степана. отбранивался, бормоталъ Андрей оправдывался двугодичнымъ неурожаемъ въ Пензенской Губерніи.

случаю подобной ссоры, Стёпа провозгласилъ рѣзкимъ однажды плаксивымъголосомъ на весь станъ, Богъ накажетъ когда-нибудь Андрея за его прожорство, и что Андрей непремѣнно будетъ современемъ воромъ. На чемъ онъ положительно основывалъ такое заключеніе – неизвъстно; но Андрей, въ свою очередь, вздумаль обидъться такимъ и напустился на пророчествомъ

стараясь кричать изо всей силы, хотя и ворчалъ-себъ только подъ-носъ, такъ-что, кромѣ ближайшихъ сосѣдей, брани этой никто бы и не слышалъ, еслибъ Степанъ, завывая, не повторялъ отчаянно Андрея напъвомъ причитанья по покойнику. Андрей предсказалъ своему товарищу другое, именно, будетъ что a онъ повъшенъ, какъ скаредный жидъ. За чтљ, къмъ и к÷къ – этого Андрей, нелюбившій многословія, не объясняль; неменве-того Степанъ расплакался за обиду эту и вылъ н÷взрыдъ, на смѣхъ и позоръ кочевыхъ обитателей всъхъ сосъднихъ палатокъ, а къ довершенію всего, пришелъ намъ жаловаться Андрея, на ТОЧНО какъ семилътній ребенокъ на своего школьнаго товарища.

Прошло нѣсколько дней, и армія наша, снявшись, пошла на встрвчу внезапно визирю, разбила подъ Кулевчами, его расположилась на-время подъ Шумлою, перевалилась И опять снялась Балканъ. Послѣ занятія Селимно, гдѣ турки стали-было окапываться и притворились,

будто **СТЯТОХ** дать отпоръ, МЫ опять снялись и пошли далѣе, на Адріанополь. На этомъ переходъ, среди роскошной природы прекрасный лѣтній день, товарищемъ утъшались еще одною, весьмаблаготворною для насъ случайностью: мы достали въ Селимно кой-чего съъстнаго; ЭТО время была пожива ВЪ ръдкость, и, бесъдуя о роскошномъ столъ, который насъ ожидаетъ привалѣ на ночлегъ, мы уже спозаранку облизывались. У насъ именно появился бълый хлъбъ, толокно изъ бобовъ, копченая рыба, медъ, каймокъ и маслины. Такой роскоши мы ужь очень-давно знавали, не потому принялись, покачиваясь рядомъ на перебирать усталыхъ клячахъ, И раскидывать на ушахъ, какой именно у насъ сегодня будеть объдъ и ужинъ. Мы еще спорили о томъ, раздѣлить ли припасы эти на объдъ и на ужинъ, или устроить, вмъсто объда, легонькую закуску, въ-сухомятку, и попировать за походнымъ ужиномъ полномъ раздольъ; я отстаивалъ послъднее, потому особенно, что на ночлегъ будетъ

подосужнъе дъломъ: заняться ЭТИМЪ привалъ, какъ нерѣдко случалось, можетъ очень-короткій, выпасть такъ-что успѣешь вкусить всъхъ не только насущныхъ благъ, предстоящихъ можетъ-быть, расхлебать доведется крупицу. недовареную впопыхахъ требовалъ мой, напротивъ, Товарищъ немедленной расправы, какъ-только прійдемъ на приваль, утверждая, что всегда пользоваться надо настоящимъ подручнымъ, не надъясь на обманчивую будущность. Я возразиль, что въ этомъ случаъ будущность не можетъ быть названа обманчивою, потому-что весь богатый припасъ нашъ везется вслѣдъ Стёпой, въ пестрыхъ перекидныхъ сумкахъ.

За этимъ разногласіемъ засталъ насъ и привалъ; МЫ расположились кустика — все какъ-будто маленькаго вскорѣ притонъ — и отъискали своего конюшаго, Андрея, а Степанъ главнаго куда-то запропастился. На бъду, у него, какъ у метр-д'отеля нашего, были всѣ наши съвстные припасы, все, кромв мвшка

сухарей, навьюченнаго позадь Андрея. Долго мы поглядывали во всѣ стороны, не постигая, куда этотъ розиня двался; долго пѣши, искали его, TO МЫ TO верхами, разсылали также во всѣ стороны Андрея, но Степанъ пропалъ, какъ сквозь землю провалился, а съ нимъ вмъстъ и объдъ который нашъ, И пришлось такимъобразомъ поневолѣ отложить до ужина. Мы снялись съ привалу впроголодь, на всемъ переходъ продолжали искать своего Стёпу, пропускали мимо себя весь отрядъ и на опять вступали въ свои мѣста, рысяхъ всъхъ разспрашивали деньщиковъ, такъ-называемую нестроевую, заподную силу, весь обозъ – но никто ничего зналъ о Степанъ. Мы разузнали только, что утромъ выходахъ на перебранивался потъшая Андреемъ, СЪ этимъ, по обыкновенію, всю обозную силу, что расплакался, разсердился и отъ вхалъ съ своимъ вьюкомъ въ сторону; болѣе его никто не видалъ. Вечеромъ пришли мы на ночлегъ – Степана нътъ, и нътъ нын шній день: онъ пропаль безъ в ти. На

самые настойчивые допросы наши, Андрей про себя хладнокровно, ворчалъ Степана турки удавили въ лѣсу; при этомъ убъжденіи онъ остался И, повидимому, скорбѣлъ такой неочень O незавидной участи своего бъднаго земляка и товарища.

Прошло года два или три; о Степанъ давно забыли, какъ и о пропавшихъ съ нимъ вмъстъ лошадяхъ съ чемоданами и бобовьимъ толокномъ и медомъ. Андрей все еще служиль върой и правдой у моего неисправимую товарища; несмотря на медвѣжью несуразность свою, обжорливость неутолимую случаю ПО двугодичнаго неурожая въ Пензъ, и Богомъ данное тупоуміе, онъ попривыкъ жить въ домѣ полюдски, былъ тихъ и послушенъ, не довольно-памятливъ сталъ приказанія и въ-особенности прослылъ въ домѣ за честнаго человѣка: всѣ молочныя покупки поручались ему, и никогда не было замъчено даже малѣйшей ВЪ немъ поживѣ. Въ крайней къ склонности простоть своей, онъ еще выучился не сводить самаго простаго счета, а указывая

каждую купленную пальцемъ на вещь, сказывалъ безошибочно, чего она стоила. Первое время, правда, онъ вздумалъ-было, для памяти, класть на купленной говядинъ мътки ножомъ, выръзывая въ ней столько ушей, сколько, по его способу счисленія, приходилось; но когда это ему запретили, то онъ вскорѣ привелъ память свою въ натужное положеніе, такое затверживалъ безошибочно наизустъ въсъ и Глупостью цѣну. своею, правда, невсегда смѣшилъ, а иногда и выводилъ барина изъ терпѣнія; но гдѣ же деньщика-умницу, да притомъ еще честнаго, когда уже давно сказано, даже о другихъ сословіяхъ, повыше деньщичьяго, что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ?.. Если же простота и бываетъ подъ-часъ хуже воровства, то это, конечно, относится только до слона на воеводствъ, а не до служителя: тутъ, конечно, честность послушаніе Прислугъ дороже ума. И говорять: не дълай своего хорошаго или умнаго, а дълай мое худое или глупое...

Итакъ, Андрей жилъ и служилъ смирно и честно, соблазняя только иногда дворню пріятеля несуразностью своею медвѣжьими пріемами; но И ЭТИМЪ болѣе тѣшилъ людей, чѣмъ досаждалъ имъ, перенося съ удивительнымъ равнодушіемъ стойкостью всѣ придирки И ихъ И насмъшки. Даже когда онъ начиналъ ворчать и отбраниваться, то и это болѣе всеобщему служило увеселенію; ко обижаться забавною сердиться ЭТОЮ И могъ только такой глупый, воркотнею ребенокъ, избалованный мой какъ покойный Стёпа.

Но рать стоџть въ полѣ до мира, а миръ стоџтъ до рати. Въ людской моего пріятеля однажды, сдѣлалось какъ ЛЮДИ выразились, большое замъшаньеце. Послъ суточнаго брани крику, И перекоровъ, кучеръ пришелъ къ барину ВЪ самомъ отчаянномъ расположеніи и началъ, обычаю, рѣчь свою словами: «Власть ваша...» а кончилъ тѣмъ, что отъ Андрея житья нътъ въ домъ и что Андрей укралъ у него пять рублей. Баринъ очень удивился этой жалобь; и хотя считаль ее какоюнибудь глупою клеветою, неменъе сдълалъ домашнее разбирательство, но не могъ раскрыть ничего и побранилъ кучера за такой поклёпъ на человъка доселъ всегда честнаго, тъмъ болъе, что у кучера былъ довольно-голословный одинъ только доводъ, что денегъ болѣе украсть было нккому. «Власть говорилъ ваша» разобиженный кучеръ: ≪a жить этакъ нельзя; а кромѣ Андрея украсть нккому; притомъ Андрей и самъ сказывалъ, что другой деньщикъ и землякъ его, котораго турки гдѣ-то удавили, напророчилъ передъ смертью своею Андрею, что онъ неминуемо прокрадется и будетъ на своемъ воромъ».

опровергать Трудно доказательства убъжденія такого рода. Кучеръ говориль свое, успокоился повидимому на сутки, а тамъ опять пришелъ съ тою же жалобой и доказательствами. тѣми же на нее съ Баринъ вынужденъ былъ прогнать окончательно, объявивъ, что болѣе объ этомъ дълъ ничего слышать не хочетъ.

нѣсколько Прошло дней; баринъ думаль, что все забыто, какъ вдругь опять кучеръ является съ слъдующею просьбою: приказать Андрею сходить съ нимъ вмѣстѣ ворожеѣ. «Если Андрей невиноватъ» говориль онь, «то ему бояться нкичего; а коли струсить, да не пойдеть, такъ, воля Чтобъ деньги». укралъ онъ ваша, отвязаться отъ докуки этой и кончить дѣло, баринъ безъ слова разрѣшилъ имъ идти вдвоемъ къ ворожеѣ, въ томъ убѣжденіи, что знахари и шептуньи въ этомъ отношеніи бывають осторожны всегда И никогда обвиненія, особенно прямаго ВЪ глаза, выскажуть. никому не Андрей отказывался, и, послѣ предварительныхъ справокъ кучера, назначенъ былъ имъ день и вельно быть на мъсть съ восходомъ солнца.

Дѣло это было въ Петербургѣ, гдѣ всего довольно, даже и ворожей, хотя о нихъ, быть—можетъ, и знаетъ не всякій; но кому онѣ нужды, тотъ найдетъ ихъ тамъ всегда. Ворожея, о которой у насъ идетъ рѣчь, жила въ ветхомъ домикѣ у Московской

3аставы. Она — не застава, то-есть, ворожея – была въ то же время извъстна только въ кучерскомъ кругу, гораздо-повыше. Сосъди сказывали, что щегольскія иногда кареты видаютъ подъѣзда y если не хилаго коляски, лачужки, то гдъ-нибудь невдалекъ, и что кареты эти стоять туть по цѣлымь часамь, въ ожиданіи возвращенія господъ своихъ, пробирающихся украдкою по стънкъ, то съ нахлобученной шляпой и приподнятымъ воротникомъ, опущеннымъ TO подъ капоромъ и покрываломъ. Чъмъ болъе въ старухъ этой выказывалось дикаго, страннаго причудливаго, И бъльшимъ раболъпствомъ и довърчивостью приближались. Она принимала посътителей по выбору, и то за великую милость, но ужь за-то всегда говорила одну правду; а еслибъ ей случилось соврать что-нибудь, то, въроятно, этимъ бы похвалился, потому-что никто не упрямство и причуды ея извъстны были всякому, и она, какъ давно всѣ знали, врала только развѣ съ умыслу, чтобъ

одурачить нелюбаго ей посътителя. Есть пословица, которая спрашиваетъ: давно ли ты, бабушка, стала ворожить? и сама же отвъчаетъ: а какъ нкчего стало н÷ зубъ положить; но пословица эта, какъ увъряли, не шла къ нашей ворожећ, потому-что она ни за чтљ и ни отъ кого не принимала денегъ, а принимала посильныя только приношенія бѣдныхъ, ВЪ пользу погорѣлыхъ, заключенныхъ, калѣкъ, вдовъ и сиротъ, также на сооруженіе храмовъ, для чего у нея и были разставлены по всему столу кружки съ приличными надписями. Кто открываетъ и выбираетъ кружки эти и куда идутъ изъ нихъ деньги – объ этомъ нккому было заботиться, да и нк у кого было бы о томъ доспроситься.

этой-то знаменитой ворожев, которая всегда говорила одну только правду и разгадывала все, чть хотьла, кучеръ нашъ получилъ доступъ, великую **3a** милость, по тому поводу, что наша Марина вашей Катеринъ приходится двоюродной ворожейкина Прасковьей: кухарка кофейница, коренная выборгская чухонка,

приходилась сватьей кумѣ кучера, по племяннику ея, отставному солдату, отдавшему дочь за подмастерья серебряныхъ дѣлъ.

Итакъ, пригласивъ еще СЪ вечера который, Андрея, призадумавшись, не былъ какой-угодно идти къ **ГОТОВЪ** ворожев, потомучто совъсть у него чиста и онъ никакихъ ворожей не боится, кучеръ свъту, разбудилъ медвъдявсталъ ДΟ Андрея, помолился и натощакъ, вельно было, отправился съ Выборгской Стороны за Московскую Заставу. Пришли, кажется, въ-время: солнце только-что подымается. Кумина сватья, ворожейкина кухарка, къ которой кучеръ осторожно постучался въ окно, объявила, что знахарка еще не встала и велѣла обождать. Время стояло довольно-теплое; у вороть лачужки была доска на положена два конечно, для терпъливыхъ посътителей, и кучеръ съ Андреемъ присѣли рядкомъ, добрые пріятели, и, въ ожиданіи дружеской роковаго суда, занялись бесъдой. Прошло около получаса; кухарка,

объщавшая вскоръ позвать посътителей, не показывалась; кучеръ всталъ и пошелъ къ покровительницъ своей, чтобъ справиться, въ добромъ ли здоровь хозяйка и скоро ли она осчастливить ихъ великими милостями своими. «А вотъ сейчасъ» сказала кухарка, ходила которая также около горячаго: «воть пойду и доложу опять» продолжала она, устанавливая чашку, кофейникъ сливочникъ подносъ; на κ≫ ужь объщала принять, докладывала: хоть поворчала немного. Вотъ, чай, позову скоро». Кучеръ пошелъ слѣдомъ за нею кухни въ съни, благодаря поклонами на этомъ короткомъ перепутьи за многія и великія милости ея, объщаль не забывать ея впередъ и остановился, въ рѣшенія, ожиданіи ВЪ съняхъ, передъ входомъ ВЪ таинственную половину гадальщицы.

И въ-самомъ-дѣлѣ, не успѣлъ нашъ кучеръ выставить впередъ одну ногу, сложить и опустить передъ собою обѣ руки со шляпой и наклонить голову нѣсколько впередъ и на бокъ, и только-что собрался-

было вздохнуть и охнуть втихомолку въ этомъ выжидательномъ положеніи, какъ дверь съ жилой половины опять немного растворилась, и покровительница кучера, кумина сватья, выглянувъ оттуда, торопливо сказала: «идите; зоветь!»

бросился Кучеръ опрометью къ воротамъ, призывая подсудимаго по имени: было. Выбъжавъ отвѣта не за ворота, взглянувъ лавочку оглянувшись на И кругом, кучеръ выразилъ нетерпъніе свое продолжалъ, побранкою выходя И средину улицы и глядя то въ одинъ конецъ, то въ другой: «Чтљ за недобрая! куда его грѣхъ унесло! Вотъ осерчаетъ ворожейка, да не пуститъ меня за это, такъ и кланяйся, и пропали мои пять рублёвъ! Экой проклятый! Андрей! слышь, Андрей!» ли? Долго еще покрикивалъ Андрея, то заходя во дворъ, то выходя опять на улицу, то за однимъ угломъ, то за другимъ – но Андрей не отзывался. Кучеръ еще оглянулся, нътъ ли вблизи заведенія, куда бы гдѣ МОГЪ укрыться Андрей, соскучившись натощакъ

дожидаться развязки; но, не говоря уже о было условіи что ВЪ явиться томъ, натощакъ, такого заведенія нигдъ вблизи не было проъзжавшій порожнёмъ видно, a извощикъ, на вопросъ кучера, увърилъ его, ПО близости нътъ. Отчаянный его что ЧТЉ кучеръ не зналъ, подумать И ЧТЉ Въ время кухарка начать. ЭТО опять показалась ВЪ дверяхъ лачуги стала себъ рукою кучера; манить КЪ онъ подбъжаль къ ней и только-было собрался свободъ незастѣнчивую распустить на гортань свою, чтобъ дать полный просторъ правдивому негодованію, какъ заставила его молчать и объявила, именемъ своей госпожи, что ему нкзачьмъ ходить къ ней: она

В.ДАЛЬ